

УДК 130.2 + 141. Постмодернізм.0

М.А. Можейко

*д-р філос. наук, проф., зав. каф. філасофіі і методолёгіі гуманітарных наук
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*

ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫК В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТМОДЕРНА: ФЕНОМЕН СЕМИОТИЗАЦИИ БЫТИЯ

Важнейшим аспектом постмодернистского мировоззрения выступает презумпция его семиотической (прежде всего языковой) артикулированности реальности. Важнейшим из последствий этого является трактовка языковой реальности как единственной и не нуждающейся во внеязыковом гаранте. Особым аспектом семиотизации бытия культурой постмодерна выступает специфика принятых в этой культуре идеалов описания и объяснения: такими идеалами являются эксплицитно утверждаемые постмодернизмом нарративность и принципиальная вариабельность нарратив.

Коллективное сознание моделирует артефакты
в социально символических актах.
F. Jameson. The political Unconscious

Потребительская и меновая стоимость товара
уступают место стоимости знаково-символической.
S. Lash. Sociology of Postmodernism

Введение

Целью данной статьи является выявление свойственных культуре постмодерна особенностей построения системного знания о мире. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: 1) обоснование специфики построения картины мира в контексте постмодернистской культуры; 2) реконструкция изменений в трактовке процедур описания и объяснения, имевших место в постмодернистском контексте; 3) выявление новых форм построения знания, характерных для постмодернистской культуры.

Объектом исследования в статье выступает семиотизация бытия как важнейшая характеристика картины мира, свойственной для культуры постмодерна. Предметом исследования, соответственно, является трансформация идеалов описания и объяснения, вызванная феноменом семиотизации бытия и, в свою очередь, повлиявшая на формы построения знания в постмодернистском контексте и приведшая к формированию нарративных когнитивных форм.

Мир как хаос: феномен «постмодернистской чувствительности» и новая картина мира

Сегодняшняя культура, осмыслившая себя в качестве постсовременной (т.е. культуры постмодерна), фундирована специфической картиной реальности, которая строится на основе феномена, получившего в литературе 1980–90-х гг. (Ж.-Ф. Лиотар, А. Мэджилл, В. Вельш, В. Лейч и др.) название «постмодернистской чувствительности» и связанного с установкой на восприятие мира в качестве хаоса [1–5]. Данная установка является результатом осмысления глубинных ориентаций культуры постмодерна, программно релятивизировавшей практически все свои компоненты: технологию, политику, науку, архитектуру, философию, социологию, историю, этику, медицину, этнографию, все виды искусства, стиль мышления, коммуникационные стратегии, сексуальные практики, тип феминизма, склад повседневности и стиль жизни, включая молодежную музыкальную культуру и подростковые поведенческие субкультуры. Собственно, со-

гласно постмодернистской рефлексии «постмодерн» – эпоха не столько в развитии социальной реальности, сколько в эволюции осмысления последней [6, р. 276–277].

В своих модельных представлениях о реальности постмодернизм, по выражению В. Лейча, «создает формы порядка как беспорядка» [4, р. 144]. Как пишет Б. Сартр, на смену идеологии «порядка вещей» приходит идеология «беспорядка и разлада (disorder)» [7, р. 40–68]. Разумеется, интегральная схема видения реальности, представленная «постмодернистской чувствительностью», находит свою спецификацию применительно к различным проблемным полям философии постмодернизма, версифицируясь в различных терминологических традициях. Категориальный аппарат философии постмодернизма находится в процессе своей эволюции да и не стремится к унификации в силу аксиологических презумпций «постмодернистской чувствительности». Однако, несмотря на отсутствие единой терминологии, постмодернизм в философской своей проекции характеризуется фундаментальным парадигмальным единством.

В целом фундаментальной предпосылкой мироинтерпретации выступает для постмодернизма отказ от идеи целостности, иерархичной структурности и гармоничной упорядоченности мира: по формулировке Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «мы живем в век частичных объектов, кирпичей, которые были разбиты вдребезги, и их остатков» [8, р. 42]. Как отмечал Ф. Джеймисон, в зеркале постмодерна мир «становится ... хаотичным и разнородным» [9, с. 119]. Состояние постмодерна, по В. Вельшу, «необратимо плюралистично» [1, с. 124]. В ракурсе видения «постмодернистской чувствительности» хаотичность пронизывает все уровни бытия: мир «потерял свой стержень», «превратился в хаос» [10, с. 11]. Социум предстает в постмодернистской социологии (С. Лаш и последователи) как «дезорганизованный капитализм» [11]. Сознание оказывается, по В. Варду, «плодом познания разбитого мира» [12, р. 158–185]. В вербальной сфере это порождает «невозможный глоссарий» (К. Лемерт) [13, р. 54–69], в дискурсивной – неканонические стратегии дискурсивных практик («еретический дискурс» Б. Смарт [7, р. 108–127]).

И коль скоро культурная традиция сопрягает смысл как таковой с упорядоченной целостностью, организованным гештальтом, постмодернизм осуществляет последовательный отказ от всех элементов данного комплекса: по словам Т. Д’ана, «смысл является уже не вопросом общепризнанной реальности», а «проблемой изолированного индивида в произвольно фрагментированном мире» [14, р. 223–226]. В отличие от классической традиции, полагавшей, по словам М. Фуко, что «вещи уже шепчут нам некоторый смысл, и нашему языку остается лишь подобрать его» [15, с. 47], постмодернизм констатирует устами Ж. Бодрийера «катастрофу (“имплозию”) смысла» [16, с. 32–47]. «Мир смысла», по Ж. Делезу, «имеет проблематический статус» [17, с. 133]. Презумпция тотального семантического хаоса обозначена Ю. Кристевой как уверенность в «бесмысленности Бытия» [18, с. 273].

Мир как текст: отказ от идеи референции и замена реальности знаком реальности

Важнейшей презумпцией постмодернистского видения мира наряду с презумпцией его хаотичности выступает презумпция его семиотической (прежде всего языковой) артикулированности. Трактовка мира как текста, в сущности, традиционна для европейской культуры (например, неоплатоническая модель мира или средневековая интерпретация бытия как книги божественных смыслов), однако классическая культура всегда разделяла т.н. объективное содержание текста и объект как таковой. В постмодернизме же на смену классическому требованию определенности значения, жесткой соотнесенности его с конкретным денотатом приходит программная открытость значения, или, по Ж. Бодрийеру, отказ от «эквивалентностей» [19, с. 36].

Бесконечность пересекающихся значений знака, детерминированная бесконечностью его культурных интерпретаций, практически растворяет объект в плюрализме его трактовок. Шекспировскому *Что имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови, хоть нет* в современной культуре противостоит причудливый арабеск, порожденный различными традициями, но в контексте микшированной культуры постмодерна наложенных друг на друга значений: роза как радость, жизнь, тайна, тишина, любовь, смерть, Воскресение, красота, слава, гордость, молитва, победа, мученичество, пышность, солнце, мужество, женственность, Венера, дева Мария, число 5, Христос, св. Георгий, творческий порыв, девственность, чувственная страсть, христианская церковь, земная жизнь, гармония мироздания и многог другое. Принятие тех или иных значений задает принадлежность человека к культурной традиции и делает соответствующий объект определенным образом значимым для него – знание же всех возможных значений в культуре постмодерна растворяет определенность семантики вплоть до открывающейся в слове возможности означать все что угодно (что, например, позволяет У. Эко назвать свой роман «Имя розы»).

Таким образом, применительно к культуре постмодерна Ж. Бодрийяр фиксирует победу «логики уничтожения собственного референта, логики поглощения значения» [19, с. 67]: стоящее за словом понятие утрачивает денотат как онтологический гарант семантической определенности, а десигнат как идеальный конструкт остается его единственным и весьма условным референтом. Внеязыковое бытие не конституируется в рамках постмодернистской картины мира, где семиозис понимается как единственная форма существования любого феномена, включая и самого субъекта.

В данном аспекте философия постмодернизма во многом опирается на идеи структурного психоанализа, в первую очередь концепции Ж. Лакана, в рамках которой зафиксирован факт вербальной артикуляции любой формы бессознательного, понимаемого в классическом психоанализе как последний оплот суверенности. В этом контексте субъект характеризуется Ж. Лаканом как «децентрированный», растворенный в формах языкового порядка. Рациональный субъект декартовского типа, равно как и воледелюющий субъект типа фрейдистского, сменяются деперсонифицированным инструментом презентации культурных смыслов и языка. Поэтому наиболее значительная спецификация видения мира, задаваемого «постмодернистской чувствительностью», вырабатывается философией письма и текста.

Основой постмодернистской текстологии выступает радикальная критика референциальной концепции знака и отказ от презумпции стабильности значения. Если для классической философии языка традиционным было фундаментальное дистанцирование означаемого (*signatum*) и означающего (*signans*), оппозиция между которыми мыслилась как спецификация глубинной оппозиции между интеллигибельным и чувственным, то современная семиология, выступающая базой для постмодернистской философской парадигмы, трактует феномен значения радикально по-иному. В формулировке Ф. де Соссюра, «означающее немотивировано, т.е. произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [20, с. 101]. Ж. Деррида постулирует «для знаковой цепочки невозможность задержаться на таком означаемом, которое не продлило бы ее» [21, с. 148].

В постмодернистской ретроспективе традиция философской классики (как и вся классическая традиция западной культуры), будучи фундированной указанной оппозицией *signans – signatum*, породила (именно в силу такой фундированности) своего рода иллюзию референции. Так, в интерпретации Ж. Делеза, «смысл – это, собственно, открытие трансцендентальной философии» [17, с. 134]. По оценке Ж. Деррида, именно и только в рамках этой традиции внетекстовое «трансцендентальное означаемое» становится, «референтом, ... семантическим содержанием или формой присутствия, гарантиру-

ющей извне движение ...текста» [21, с. 119]. Анализ постмодернизмом философской традиции ориентирован на прочерчивание вектора от традиционной онтологизации значения ко все более последовательному отказу от самой идеи референции. Так, Д.В. Фоккема выделяет следующие этапы этой эволюции: реализм классики, задающий «непоколебимую иерархию значений»; символизм, делающий шаг к деонтологизации значения, но еще сохраняющий «жесткую иерархию» символов; модернизм, сменивший презумпцию онтологии на презумпцию «гипотетического порядка и временного смысла», завязанных на тезаурус личного опыта, который, однако, сохраняет еще свою онтологическую укорененность; и постмодернизм с его «эпистемологическим сомнением» в принципиальной возможности конструирования какой бы то ни было модели мира [22, р. 82–83].

Постмодернистское видение ситуации характеризуется дискредитацией феномена значения как якобы гарантированного внетекстовым означаемым: согласно Ф. Джеймисону, «значение не является однозначным соотношением означающего и означаемого» [9, с. 133]; по формулировке Р. Барта, «уровнем Текста является не значение, а означающее» [23, с. 81]; как пишет Ж. Деррида, «с момента, когда мы ставим под сомнение саму возможность ...трансцендентального означаемого и признаем, что всякое означаемое есть также нечто, стоящее в положении означающего, различие между означаемым и означающим – самый знак – становится проблематичным в корне» [21, с. 36]. Значение мыслится как сугубо процессуальный феномен: «соединение того, что означает, и того, что означается; это не форма и не содержание, а связующий их процесс» (Р. Барт) [24, с. 233]. Именно этот процесс и оказывается в фокусе внимания философии постмодернизма, причем трактовка значения как порождаемого «движением от означающего к означаемому» (Ф. Джеймисон) [9, с. 133] приводит к признанию того, что реально «означаемое и означающее суть две стороны одного и того же продуцирования» (Ж. Деррида) [21, с. 32].

Логическим завершением этого концептуального вектора является вывод Ф. Джеймисона о том, что фактически «то, что мы ...называем означаемым ...должно рассматриваться, скорее, как видимость значения, объективный мираж, ...сформированный соотношением означающих между собой» [9, с. 133]. Постмодернизм избавляется от идеи онтологически заданной связи означающего с означаемым в любых ее версиях, будь она под маской репрезентации, денотации, десигнации, сигнификации, номинации, манифестации и т.п. Постмодернистские авторы единодушно постулируют разрушение «самого акта номинации» [24, с. 499], «утопичность денотации» [24, с. 309], «абсурдность сигнификаций и нонсенс денотаций» [10, с. 167], «кризис денотации» [24, с. 293] и т.д.

Знаменем времени становится, по выражению К. Брук-Роуз, крах «веры в референциальный язык»: речь может идти лишь о «референциальной иллюзии» текста [25, р. 190]. Слово перестает выступать референтом выраженного соответствующим понятием объекта, обретая сугубо индикативную функцию: так, по Ж. Делезу, слово может выступать лишь в функции произвольного указателя или индикатора, и этот статус не позволяет усмотреть за словом понятие, определенность содержания которого была бы обеспечена денотатом [10, с. 26]. «Замена реального знаками реального» выступает, по Ж. Бодрийяру, лозунгом культуры постмодерна [16].

Эволюционируя от парадигмы отражения реальности до маркировки ее отсутствия, культура постмодерна, по Ж. Бодрийяру, идет дальше, достигая состояния, когда означающее «вообще не соотносится с какой бы то ни было реальностью», – культура, однако, продолжает «симуляцию реального» [16, с. 35]. Даже производство становится в этом контексте сугубо семиотичной сферой: как отмечает Ж. Бодрийяр, в современном обществе товары артикулируются, в первую очередь, не в аспекте своей потребительной или меновой стоимости, но в аспекте стоимости знаковой [26, р. 98–118]. В этом же ключе Ф. Джеймисон фиксирует квазисемиотизацию феноменов художе-

ственной культуры, «звезд – наподобие Мерилин Монро, – которые ... трансформировались в товар (commodified) и превратились в свои собственные образы» [9, с. 125].

В свою очередь, современная культура культивирует и особый тип отношения к семиотическим средам: по И. Хассану, «процессу распада мира вещей» соответствует распад текстовой семантики, хаос значений выступает как выражение «космического хаоса»; по оценке И. Хассана, хаос означающих, данность порядка для которых утрачена вместе с идеей референции, собственно, и фундирует собою модель постмодернистского видения реальности [27, р. 59].

В таких условиях «уничтожение последних следов веры в референциальность» оценивается Р. Сальдиваром как единственно возможный «путь к истине» [28, р. 253]. Как пишет Р. Барт, «ныне семиология призвана выступать ... против всей символической системы нашей цивилизации; ... расщепить саму систему смысла» [23, с. 82–83]. И если исходно постмодернизм определял свою задачу как необходимость «опустошить знак», то в современной своей версии он пытается смоделировать «логические последствия нерепрезентативного понимания письма» [24, с. 400]. Важнейшим из таких последствий является признание тотальности языка – понимание языковой реальности как единственной и исчерпывающе самодостаточной, т.е. не нуждающейся во внеязыковом гаранте. Постмодернизм развивает заложенную модернизмом идею «крушения реальности» (уже Э. Ионеско писал, что «слова превращаются в звучащую оболочку, лишенную смысла» [29, с. 137]). По Р. Барту, «язык – это область, которой ничто не внеположено» [24, с. 522]. Аналогично у Ж. Деррида: «абсолютное наличие» есть «то, что мы прочли в тексте», и «ничто не существует вне текста» [30]. При таком подходе культурная универсалия бытия фактически совпадает с универсалией текста. Ф. Джеймисон говорит о «фундаментальной мутации самого предметного мира, ставшего сегодня набором текстов» [9, с. 124].

Постмодернизм зиждется на отказе от самой идеи автохтонности объекта: бытие предстает как процессуальность плюральных игр означающего: презумпция квазисемиотизма превращает культуру постмодерна из *зеркала мира* в *зеркало зеркал*, где место реальности занимают «знаковая реальность» (Б. С্মарт), «вербальная реальность» (Р. Виллиамс), «гиперреальность» (Д. Лион) и т.п. Самая кажущаяся непосредственность объекта оказывается сугубо вторичным конструктом, базирующимся на системе избранных аксиологических шкал и культурных приоритетов: по оценке М. Мерло-Понти, объект возможен лишь в результате семиотического усилия субъекта [31, р. 178–296].

В этом контексте сознание, по формулировке Р. Барта, является не «неким первоначальным впечатлением мира, а самым настоящим строительством такого мира» [24, с. 255]. Эта установка может быть зафиксирована как на сугубо концептуальном уровне постмодернизма (для Ж. Деррида «система категорий – это система способов конструирования бытия» [32, р. 91]), так и на уровне художественной практики постмодернистского искусства (эпиграф к классическому постмодернистскому произведению – книге Р. Федермана «Прими или брось: раздутая подержанная история для чтения вслух стоя или сидя» – гласит: «Все персонажи и места действия в этой книге реальны: они сделаны из слов» [33]). Соответственно, Б. С্মарт оценивает когнитивную стратегию постмодернизма как переориентацию с рассудка как самодостаточной и абсолютной ценности к конструктивному воображению [7]. Даже в социологически ориентированных концепциях постмодернизма (З. Бауман, С. Бест, Ж. Бодрийяр, Р. Виллиамс, Д. Келлнер, Д. Лион, Б. С্মарт) обнаруживается программный отказ от идеи реальности и исключение соответствующего понятия из концептуальных контекстов: история артикулируется как история языка.

Бытие как сеть рассказов: распад картины мира

Особым аспектом программной семиотизации бытия культурой постмодерна выступает специфика идеалов описания и объяснения, фундирующих постмодернистскую парадигму современного философствования: такими идеалами являются эксплицитно утверждаемые постмодернизмом нарративность и принципиальная вариабельность нарративов. Под нарративом, или нарративом (от лат. *narrare* – языковой акт, т.е. вербальное изложение – в отличие от представления), понимается повествовательный (сообщающий) текст. Атрибутивной характеристикой нарратива является его самодостаточность и самоценность: как отмечает Р. Барт, повествование разворачивается «ради самого рассказа ...вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой» [24, с. 384]. Понятие нарратива фиксирует процессуальность самоосуществления как способ бытия текста, т.е. идея привнесения смысла в качестве основополагающей ложится в фундамент постмодернистской концепции рассказа. По Ф. Джеймисону, нарративная процедура фактически «творит реальность», одновременно постулируя свой отказ от какой бы то ни было претензии на адекватность как презентацию некоей вненарративности реальности [34].

«Повествовательная стратегия» постмодернизма фактически есть радикальный отказ от реализма во всех возможных его интерпретациях, включая литературно-художественный критический реализм, ибо критиковать – значит считаться с чем-то как с объективным; средневеково-традиционный философский реализм, ибо постмодерн относится к тексту принципиально номиналистично; и даже сюрреализм, ибо постмодерн не ищет «зон свободы» в субъективно-аффективной сфере и потому обретает ее не в феноменах детства, сновидения или интуиции, как сюр, но в процедурах деконструкции и означивания текста, предполагающих произвольность его центрации и семантизации. Подлинная свобода, по утверждению Г.Г. Гадамера, и реализует себя в постмодернизме посредством нарративных практик в их плюрализме: «все, что является человеческим, мы должны позволить себе высказать», а условием возможности такой свободы является принципиальная открытость как любой нарративу, так и тексту: «все сказанное всегда обладает истиной не просто в себе самой, но указывает на уже и еще не сказанное», и только «когда несказанное совмещается со сказанным, все высказывание становится понятным» [35, с. 140–141]. Текст, таким образом, квантуется в нарративах, и вне их плюральности у него нет и не может быть какого бы то ни было исходного (собственно-го) смысла: нарратив – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному.

Постулируя повествовательные стратегии в качестве основополагающих для современной культуры, философия постмодернизма генерирует идею программного плюрализма нарративных практик, что находит свое выражение в предложенной Ж.-Ф. Лиотаром концепции «заката больших нарративов», развивающей идею Ю. Хабермаса и М. Фуко о легитимации как механизме придания знанию статуса ортодоксии. По определению Ж.-Ф. Лиотара, «легитимация есть процесс, посредством которого законодатель наделяется правом оглашать данный закон в качестве нормы» [3, с. 143]. На основании «дискурса легитимации» в той или иной конкретной традиции оформляются «большие нарративы» («метанарративы», «великие повествования» – идеи эмансипации и прогресса, гегелевской диалектики духа или просветительской трактовки знания в западной культуре [3, с. 140–158]), задающие семантическую рамку любым нарративным практикам. Ф. Джеймисон в аналогичном контексте говорит о «доминантном повествовании» и «доминантном коде» как «эпистемологических категориях», функционирующих в соответствующей традиции как нерелексированная система координат, внутри которой коллективное сознание моделирует «в социально символических актах ...культурно опосредованные артефакты» [34, р. 20].

Специфику постмодернистской культуры с точки зрения характерной для нее организации знания Ж.-Ф. Лиотар усматривает в том, что в ее контексте «большие повествования утратили свою убедительность» [3, с. 152]. Постмодерн может быть определен как «недоверие к метаповествованиям»: «великие повествования» распадаются на мозаику локальных историй, ни одна из которых не претендует на приоритетность [3, с. 141, 145].

Аплицируясь на различные предметные области, концепция «заката больших нарративов» получает широкое распространение и содержательное развитие. Г. Кюнг интерпретирует историю христианства как смену парадигм вероисповедания, которые ставятся им в соответствие с большими нарративами. Современность в этом плане выступает эпохой заката больших нарративов, что предполагает снятие межрелигиозных коллизий и дает «новый шанс для религии» в смысле обретения ею адекватного места в плюрализме мировоззренческих парадигм [36, с. 63–76].

Применительно к когнитивным аналитикам идея «заката больших нарративов» инспирирует конституирование Дж. О'Нийлом «толерантной стратегии знания», или стратегии «взаимности (mutuality)», ориентированной на «взаимное значение» различных версий мироинтерпретаций в отличие от классической нонконформистской «стратегии противостояния (alterity)» [37, р. 13–94, 157–177]. К аналогичным выводам пришел Д. Мак-Кенс применительно к современной этике [38].

Даже в рефлексивной самооценке, по словам В. Вельша, «постмодерн ... понимается как состояние радикальной плюральности, а постмодернизм – как его концепция». В этом контексте постмодерн осуществляет радикальный отказ от самой идеи конституирования традиции, что находит свое теоретическое выражение в фигуре «мертвой руки» (Х. Брук-Роуз), заимствованной постмодерном из юридической практики, где она означает владение без права передачи по наследству [25, р. 187]: отказ от традиций – это, по существу, единственная традиция постмодерна. Универсальным принципом построения культуры постмодерна оказывается принцип плюрализма.

В данном культурном контексте наличие или даже аксиологическое доминирование одного (выделенного, избранного, признанного приоритетным) типа дискурсивных практик оказывается невозможным в постмодернистском контексте: подобный «дискурс легитимации» (Ж.-Ф. Лиотар) сменяется дискурсивным плюрализмом, санкционированный тип рациональности – вариабельностью рациональностей, фундирующей языковые игры как альтернативу нормативному языку. По определению Ф. Гваттари, «тип дискурса, лакановский, юнгианский или адлерианский, не так уж важен. Все годится, все приемлемо» [40, с. 23].

Коллаж превращается в постмодерне из частного приема художественной техники (типа «мерцизма» К. Швитгера в дадаизме) в универсальный принцип построения культуры: «эkleктизм является нулевой степенью общей культуры: по радио слушают реггей, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в McDonald's, на обед в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и одеваются в стиле ретро в Гонконге» [41, р. 334–335]. В этом плане настоящая культура постмодерна принципиально нелинейна: она описывается Ж.-Ф. Лиотаром как «монстр, образуемый переплетением различных сетей разнородных классов высказываний (денотативных, предписывающих, перформативных, технических, оценочных и т.д.)», и невозможно определить «метапредложения» или хотя бы «временный консенсус» для всех языковых игр [3, с. 157]. Идеалом описания и объяснения действительности выступает для постмодернизма идеал принципиального плюрализма, фундированный идеей «заката больших нарративов».

Таким образом, стратегия мировосприятия постмодернизма, получившая название «постмодернистской чувствительности», базируется на фундаментальной культурной стратегии семантизации бытия, находящей свое выражение в таких установках, как, во-первых, отказ от смысла в качестве наличного (презумпция «усмотрения хаоса»

и толкования последнего в качестве смыслопорождающего); во-вторых, отказ от идеи референции (презумпция принципиальной семиотичности данной человеку реальности); в-третьих, отказ от аксиологической приоритетности какого бы то ни было стиля мышления в качестве дискурса легитимации (презумпция принципиальной нарративности и, стало быть, плюральности описания и объяснения).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вельш, В. «Постмодерн»: генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // Путь. – 1992. – № 1.
2. Лиотар, Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост» / Ж.-Ф. Лиотар // Иностран. лит. – 1994. – № 1.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 140–158.
4. Leitch, V. Deconstructive criticism: an advanced introduction / V. Leitch. – London, 1983. – 290 p.
5. Mejill, A. Prophets of extremity: Nietzsche, Heidegger, Foucault, Derrida / A. Mejill. – St. Albans, 1985. – 399 p.
6. Bauman, Z. Intimations of Postmodernity / Z. Bauman. – London ; New York, 1994. – 297 p.
7. Smart, B. Postmodernity. Key Ideals / B. Smart. – London ; New York, 1997. – 169 p.
8. Deleuze, G. Capitalisme et schizophrénie: L'Anti-Oedipe / G. Deleuze, F. Guattari. – Paris, 1972. – 470 p.
9. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 118–137.
10. Делез, Ж. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 9–31.
11. Lash, S. Sociology of Postmodernism / S. Lash. – London ; New York, 1990. – 317 p.
12. Ward, G. Postmodernism / G. Ward. – London ; Chicago, 1997. – 186 p.
13. Lemert, C. Postmodernism is not What You Think / C. Lemert. – London ; Oxford, 1997. – 185 p.
14. D'haen, T. Postmodernism in American Fiction & Art / T. D'haen // Approaching Postmodernism. – Amsterdam ; Philadelphia, 1986. – P. 211–231.
15. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – С. 47–96.
16. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 32–47.
17. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Академия, 1995. – 298 с.
18. Кристева, Ю. От одной идентичности к другой / Ю. Кристева // От Я к Другому : сб. переводов. – Минск : Менск, 1997. – С. 256–273.
19. Бодрийяр, Ж. Злой демон образов / Ж. Бодрийяр // Искусство кино. – 1992. – № 10.
20. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де. Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.
21. Деррида, Ж. Позиции / Ж. Деррида. – Киев : Л.Д., 1996. – 192 с.
22. Fokkema, D. W. The Semantic & Syntactic Organisation of Postmodern Texts / D. W. Fokkema // Approaching Postmodernism. – Amsterdam ; Philadelphia, 1986. – P. 81–98.
23. Барт, Р. Семиология как приключение / Р. Барт // Arbor Mundi (Мировое древо). – 1993. – Вып. II. – С. 79–83.

24. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – С. 276–296.
25. Brook-Rose, Chr. The dissolution of character in the novel / Chr. Brook-Rose // *Reconstructing individualism: Autonomy, individuality & the self in western thought*. – Stranford, 1986. – P. 184–196.
26. Baudrillard, J. Selected Writings / J. Baudrillard. – Cambridge, 1996. – P. 98–118.
27. Hassan, I. Paracriticism: Seven speculations of the times / I. Hassan. – New York, 1975. – 184 p.
28. Saldivar, R. Figural language in the novel: the flowers of speech from Cervantes to Joyce / R. Saldivar. – Princeton, 1984. – 267 p.
29. Ионеско, Э. Трагедия языка / Э. Ионеско // Как всегда – об авангарде: антология французского театрального авангарда. – М. : ГИТИС, 1992. – С. 134–138.
30. Derrida, J. Structure, sign & play in the human sciences / J. Derrida // *The structuralist controversy*; ed. by R. Macksey, S. Donato. – Baltimore, 1972. – P. 250–325.
31. Merleau-Ponty, M. *Le vision et l'invisible* / M. Merleau-Ponty. – Paris, 1964. – 274 p.
32. Derrida, J. The supplement of copula: Philosophy before linguistics / J. Derrida // *Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism*. – London, 1990. – P. 82–120.
33. Federman, R. Take It or leave It: An exaggerated second-hand Tale to be read aloud either standing or sitting / R. Federman. – New York, 1976. – 500 p.
34. Jameson, F. The political Unconscious: Narrative as a socially symbolic Act / F. Jameson. – London, 1981. – 296 p.
35. Гадамер, Г.-Г. Человек и язык / Г.-Г. Гадамер // От Я к Другому : сб. переводов. – Минск : Менск, 1997. – С. 130–141.
36. Кюнг, Г. Религия на переломе времен / Г. Кюнг // *Arbor Mundi* (Мировое древо). – 1992. – Вып. II. – С. 63–76.
37. O'Neill, J. The Property of Postmodernism / J. O'Neill. – London ; New York, 1998. – 205 p.
38. Мак-Кенс, Д. Этика в постсовременной перспективе / Д. Мак-Кенс // *Филос. науки*. – 1996. – № 1–4.
39. Welsh, W. *Unsere postmoderne Moderne* / W. Welsh. – Weinheim ; St. Albans, 1987. – 344 p.
40. Трансфер, или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе [Феликс Гваттари в беседе с Брахой Лихтенберг Эттингер] // *Кабинет: картины мира. Психогенез/Техногенез: коллекция perversus* : сб. ст. – СПб. : ИНАПРЕСС, 1998. – С. 21–28.
41. Lyotard, J.-F. *La condition postmoderne: Rapport sur la savoir* / J.-F. Lyotard. – Paris, 1979. – 197 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2016

Mojeiko M.A. Man and Language in the Postmodern Social Space: the Phenomenon of the Semiotization of Being

The important aspect of the postmodern outlook is the presumption of semiotic (language, first of all) articulation of reality. The interpretation of verbal reality as the alone reality is the main result of this idea. New ideals of a description and explanation were arisen in this context – the ideal of narration as a form of knowledge and the ideal of a variability of narrations.